

Элла Памфилова: «Я считала себя посредником между правозащитниками и властью»

Фото: kremlin.ru

Элла Александровна Памфилова (родилась в 1953 году в Алмалыке, Ташкентская область, Узбекская ССР) — российский государственный, политический и общественный деятель, правозащитник. Окончила Московский энергетический институт. В 1976–1989 годах была инженером, технологом, председателем профсоюзного комитета Центрального ремонтно-механического завода производственного объединения «Мосэнерго».

В 1989–1991 годах — народный депутат, член Верховного Совета СССР. В 1991–1994 годах — министр социальной защиты населения РФ. В 1993–

Ред. Элла Александровна, мы часто начинаем беседу для книги о правозащитном институте России с вопроса о том, как человек пришел к правозащитной деятельности. Мы уже со многими побеседовали, и варианты ответов разные. Кто-то еще с родителями слушал «вражеские голоса», у кого-то был особенно вольнодумный вуз. По тому, что известно о вас, складывается впечатление, что вы еще в детстве могли проводить правозащитные акции: заступиться

1999 годах — депутат Государственной Думы ФС РФ. В 1994 году возглавила Совет по социальной политике при Президенте РФ.

В качестве члена Комиссии при Президенте РФ по поиску пленных, заложников и интернированных граждан и Общественной независимой комиссии по расследованию правонарушений и защите прав человека на Северном Кавказе неоднократно совершала поездки в Чечню и другие северокавказские республики. В 2000 году стала первой женщиной в истории России, баллотировавшейся на пост Президента РФ.

С 2001 года является председателем Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство». В 2002-м возглавила Общероссийский союз общественных объединений «Гражданское общество — детям России». В июле 2002 года Указом Президента РФ была назначена на должность Председателя Комиссии по правам человека при главе государства, а в ноябре 2004 года стала Председателем Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, в который, по инициативе Э.А. Памфиловой, была преобразована Комиссия по правам человека. С декабря 2010 года — старший научный сотрудник Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”».

С января 2014 года — Уполномоченный по правам человека в РФ. С 28 марта 2016 года — председатель Центральной избирательной комиссии РФ.

Кавалер нескольких орденов РФ, кавалер Ордена почетного Легиона, лауреат Премии доктора Фридриха Йозефа Гааза.

за слабого, гонимого и тому подобное. Было такое?

Э.П. «Вражьи голоса» я в детстве не слушала. Наоборот: мы играли в разведчиков и защищали страну от фашистов, поскольку это было послевоенное время. С раннего детства мой патриотизм воспитывался в детских играх и в атмосфере того времени. Для всех страшным позором была, скажем, нарисованная на заборе фашистская свастика. Тогда, бывало, дети мелом рисовали свастику, если кто-то из сверстников совершил нечто позорное, неблаговидное, достойное самого сурового осуждения... Значит, ты плохой человек, «редиска», ты так провинился, что должен очень долго исправляться, доказывая, что становишься «нормальным».... Потом все вместе приходили и стирали этот фашистский знак.

Да, с детства у меня обостренное чувство справедливости. Я была маленькая, худенькая, но если видела, что мальчишки обижают котенка, щенка или кого-то из младших ребят, я забывала о том, что маленькая, бросалась на защиту, не думая о том, что они в два раза выше, крупнее, сильнее и что я сейчас получу. Во мне такая буйная сила закипала, перед которой все отступали, независимо от роста.

Ред. То есть результата вы

добивались, хоть это было непросто?

Э.П. Добивалась, да. Для меня физически непереносимой болью было, когда в моем присутствии обижают слабого. Моя реакция опережала даже мое сознание в такие моменты. С детства было это чувство: слабых надо защищать, и защищать — с кулаками, следует давать отпор тем, кто безнаказанно измывается над беззащитными. В детстве я не знала, как это называется, потом поняла, что абсолютно не переношу бестактность в отношении других. Бестактность, бывает, очень больно бьет, унижает человека, ущемляет его человеческое достоинство. Это тоже с детства я интуитивно чувствовала, может быть, не осознавая до конца. Но реакция была всегда однозначная.

Ред. То есть на бестактность вы тоже моментально реагировали?

Э.П. Да. Но правозащитником я себя никогда не считала. Никогда. Потому что ассоциация с тем, что правозащитная деятельность связана со слушанием «вражеских голосов» и диссидентством, как-то укоренилась. Если говорить о моем тогдашнем понимании правозащитной деятельности, то это как раз было что-то, основанное на обостренном чувстве справедливости, на противопоставлении двух миров: нашего, советского, и... Мы же люди советского поколения, что бы мы из себя ни корчили в постсоветское время. На самом деле мы — из той исторической эпохи, и не надо этого стыдиться или за это клеймить друг друга. Были такие времена, и мы в них росли. Кстати, там тоже было немало хорошего.

В принципе, все нынешние либералы, люди, которые критично относятся к тому режиму, получили в советское время хорошее образование, многие из них учились в МГИМО, МГУ и так далее. Так что не все было плохо, поэтому я не приемлю категорическое отрицание советского прошлого. Надо находить и в своей молодости, в своей истории не только минусы, но и плюсы.

Ред. Вот как раз давайте перейдем к вашему вузу. Это один из лучших вузов страны по интеллектуальному потенциалу — Энергетический. Там учились очень способные ребята, победители олимпиад и т.д. В то же время он был ориентирован на всякие закрытые производства, где «болтать» не принято. Поэтому в студенческие годы вы тоже были настроены просоветски?

Э.П. Что такое просоветски? Когда меня принимали в октябрята, я этим гордилась. Меня принимали в пионеры, я этим гордилась. Меня принимали в комсомол, я этим гордилась. Я считала, что в 27 лет я буду жить при коммунизме. Студенческие годы — это, конечно, свобода, вольнодумство, стройотряды. Кстати, тогда я впервые попала в Югославию — со стройотрядом. Это был совершенно другой мир. Я вспоминаю студенческие годы с огромным удовольствием, поскольку помимо, скажем, квантовой физики и прочих серьезных предметов у нас был прекрасный Дом культуры, в котором выступали Высоцкий и лучшие

вокально-инструментальные ансамбли. Мы с друзьями часто ходили в театры, музеи, консерваторию, пытались максимально впитать в себя те невероятные культурные пласты, которыми и в те времена славилась Москва. Замечательные были студенческие времена! Между прочим, мои сокурсники — представители технической интеллигенции — были весьма демократически ориентированными, ждали перемен, критиковали власть, причем не только на кухне.

Ред. Вы тоже были в этих рядах?

Э.П. Мое «вольнодумство» в те времена в основном ограничивалось чтением самиздата и увлечением поэзией серебряного века.

К тому же я вышла замуж, у меня был маленький ребенок, то есть я попала на тот период в разряд домохозяек, у которых на первом плане ребенок и семья: заниматься воспитанием дочери, мужа хорошо кормить, найти продукты. И я единственная из группы попросилась на завод, остальные пошли в «ящики», закрытые НИИ. У меня было две причины такого решения. Первая: завод был рядом с моим домом, и мне не надо было далеко от моего ребенка отлучаться. Вторая: я считала, что больше склонна к конкретной производственной деятельности, чем к научно-исследовательской. Я действительно нашла себя. Начинала мастером, но довольно быстро моя карьера пошла вверх, причем не в ущерб семье... Но получается какая-то моя биография, а не история создания Совета...

Ред. Сейчас мы подойдем к этому, а пока вы рассказываете об очень интересных, жизненных делах. То есть семья немного заслонила на тот момент общественную деятельность?

Э.П. Пока ребенок был маленький, никакой общественной деятельности не было — я считала и считаю до сих пор, что главное для женщины — это семья, ребенок, и никакая, даже самая блестящая карьера не может заменить семейное счастье, счастье материнства и близости к своему ребенку. Я в этом смысле «домостроевский» человек. Если ты делаешь карьеру, занимаешься общественной деятельностью, это не должно быть в ущерб ребенку.

Ред. Пришел Михаил Сергеевич Горбачев, и не заметить наступления эпохи перемен было невозможно.

Э.П. Я необходимость перемен видела задолго до прихода Горбачева, поскольку работала на предприятии, была мастером, потом крупным профсоюзным деятелем большого завода. У меня вся «социалка» была перед глазами.

Ред. Вы были председателем профкома?

Э.П. Сначала — мастером-инженером, потом — председателем профкома четырехтысячного завода. Это подсобное хозяйство, детские сады, пионерские лагеря, жилой фонд и так далее. Это мини-город —

предприятие, у которого все свое, даже продукты. Я очень быстро поняла, что у нас система оплаты труда абсолютно не соответствует качеству труда, производительности. Видела, что необходимы серьезные изменения.

Уже тогда было трудно мотивировать молодого человека пойти учиться на токаря, несмотря на то что у нас токарь шестого разряда был гораздо важнее, чем директор предприятия, и мы с ним носились, думали,

«Обращение к главам стран-участниц “Большой восьмерки”

Мы, участники Международного форума неправительственных организаций “Гражданская восьмерка” в Москве 3-4 июля 2006 года, подчеркиваем ключевую роль неправительственных организаций (НПО) в решении современных глобальных проблем социально-экономического и общественного развития.

Мы отмечаем, что определенные глобальные угрозы и проблемы мешают развитию гражданского общества и исполнению НПО их важной роли. Таковыми являются:

1. Приравнение правительствами инакомыслия и критической позиции НПО по отношению к действиям органов государственной власти к экстремистской и террористической деятельности, а также давление на НПО и преследование активистов, оправдываемые необходимостью обеспечения безопасности и борьбой с терроризмом.

2. Принятие ограничительного законодательства в сфере регулирования НПО, ужесточающего процедуры регистрации и отчетности НПО, которые позволяют государству неоправданно и неправомочно вмешиваться в деятельность НПО.

3. Политика государств по созданию квази-НПО (GONGO) и имитационных общественных совещательных институтов при органах государственной власти.

4. Противодействие со стороны ряда государств международным программам сотрудничества в области развития демократии и гражданского общества под видом предотвращения иностранного вмешательства во внутреннюю политическую жизнь.

Вместе с тем, большинство государств-членов “Большой восьмерки” разработали и применяют на практике регулирование для НПО, которое включает в себя целый ряд положительных моделей и лучших практик в своей области, а именно:

1. Свобода создания НПО без государственной регистрации и добровольность в принятии решения об образовании юридического лица.

2. Простая процедура регистрации для НПО — не более сложная, чем процедура регистрации коммерческих организаций.

3. Равноправие и отсутствие дискриминации в отношении участия граждан и иностранцев в учреждении и деятельности НПО, а

также между национальными и зарубежными НПО.

4. Простые требования к отчетности для большинства НПО; при этом требования к отчетности пропорциональны предоставляемым НПО льготам и преференциям

5. Способствование развитию саморегулирования деятельности НПО и предоставления ими публичной отчетности.

6. Делегирование некоммерческим организациям полномочий по реализации ряда социальных функций органов государства.

7. Институционализация отношений и взаимных обязательств между правительствами и некоммерческим сектором (по образцу Компакта в Великобритании, Аккорда в Канаде).

Мы считаем, что регулирование деятельности НПО должно быть направлено на достижение следующих целей:

1. Система законодательства должна стимулировать гражданскую активность.

2. Налоговая система должна способствовать привлечению внутренних ресурсов общества.

3. Взаимодействие между правительствами и НПО должно быть направлено на вовлечение гражданских организаций в процесс принятия решений по общественно-значимым вопросам.

В ходе нашей совместной работы на Международном форуме неправительственных организаций «Гражданская восьмерка» в Москве 3-4 июля 2006 года мы определили, что отношения между правительствами, в том числе стран «Большой восьмерки», и неправительственными организациями (НПО) должны строиться на следующих принципах:

1. Взаимная прозрачность друг перед другом и перед обществом.

2. Диалог, основанный на равноправном партнерстве и принципе subsidiarity.

3. Участие организаций гражданского общества в выработке решений органов власти (в том числе в формировании государственной политики) и их реализации, а также осуществлении гражданского контроля.

4. Признание независимости НПО, их права критически оценивать действия органов государственной власти и защищать интересы различных социальных групп.

Для институционализации вышеуказанных принципов и положительной международной практики в регулировании НПО мы предлагаем подготовить Хартию взаимоотношений правительств стран «Большой восьмерки» и организаций гражданского общества и принять ее на следующем саммите «Большой восьмерки» в Германии в 2007 году».

«Права человека». Рекомендации Форума 3-4 июля к саммиту «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, 2006 год

как его удержать, как найти способ ему доплатить. В результате он у нас получал больше, чем директор завода. Но приходилось находить какие-то дополнительные способы, не предусмотренные системой советской уравниловки...

Надо было подумать еще, как увлечь мальчишек, чтобы они пошли в ученики, чтобы профессия рабочего стала престижной. Уже тогда все стремились в МГИМО и в другие популярные вузы. Я работала на заводе двенадцать лет и многое понимала. Станки еще 1937 года — в конце 80-х! Не было технического перевооружения, переоснащения производства, труд был экстенсивным. Потом я стала членом городского комитета профсоюзов. Таким образом, я понимала, что проблемы в те времена, что называется, перезрели.

Ред. Но когда пришел Михаил Сергеевич, может быть, вы как человек активный подумали о том, как начать перемены?

Э.П. Когда пришел Михаил Сергеевич, я решила, что, в принципе, можно и в партию вступить: видимо, будут какие-то перемены. Раньше я категорически не помышляла об этом, но вот в 1985-м вступила в партию. Меняхватило на пять лет. Глубочайшие разочарования привели к тому, что я вышла из КПСС в 1990 году — задолго до того, как оттуда в 91-м побежали все.

Ред. В этот горбачевский, еще советский, период что вы пытались сделать для перемен к лучшему?

Э.П. Я конкретно, предметно работала по защите прав трудящихся, занималась тем, чем и обязана была заниматься: охраной труда, решением трудовых споров и тем, как мне лучше обеспечить работников в ситуации сплошного дефицита детскими колготками, комбинезончиками, продуктами питания, какой-то одеждой. Сделать все, чтобы люди могли отдохнуть, подлечиться.

Ред. Но пришел август 91-го, фактически сменился строй.

Э.П. В мае 1989-го состоялся первый Съезд народных депутатов. Появилась плеяда новых политических и общественных деятелей, которые были сконцентрированы на этом пятачке Кремлевского дворца съездов. в 1989–1991 годы прошли следующие съезды народных депутатов, и у меня было ощущение такое... Я сидела в первом ряду перед большой трибуной. Конечно, для меня все было внове: такие люди, звезды. Во втором ряду по диагонали сидели Андрей Дмитриевич Сахаров и много других известных людей. в общем, я чувствовала себя Золушкой, случайно попавшей не на бал, но в какое-то звездное окружение. Еще было чувство, что попала в нервный узел страны. В 1990, 1991 годах процессы шли стремительно, и закончилось все тем, что страна рухнула. Я ощущала это так: страна рухнула. И вся эта свобода друг от друга — мы понимаем, что

она оказалась с привкусом горечи для миллионов людей, у которых разорвались родственные и дружеские связи, которые оказались в разных государствах. И многочисленные трагедии, которые потом происходили, были связаны с крахом советской империи. Многие тогда радовались, видя хорошее в этом процессе и не замечая трагических последствий.

Ред. Вы тогда стали очень известны, стали флагманом борьбы с привилегиями.

Э.П. Дело в том, что это произошло абсолютно случайно. У меня так все время: кажется, что случайно попала в политику, случайно, случайно... Но, видимо, это все не случайно, в любой случайности есть своя закономерность. Я же не понимала, что такое привилегии. Нас в школе, в институте и на заводе, где я работала, учили, что партия — это ум, честь и совесть, что все в нашей стране честно, справедливо. И вот я оказалась в Верховном Совете секретарем Комиссии по борьбе с привилегиями, которой руководил Е.М. Примаков. В то время это место должен был занять один партийный работник из Якутии, но он прекрасно понимал, что за этим стоит, и как мудрый человек бежал оттуда, как от чумы.

Все отмахивались от этой должности, и потому наверху решили: «А пусть будет Памфилова. Из Москвы, но зато женщина и вроде как “от станка”, по крайней мере с предприятия». Подходила по каким-то критериям — ну и давайте. Тем более я несведущая была: в отличие от них я не знала, что такое партийные привилегии, не понимала, с чем мне придется столкнуться. Так ловко перевели стрелки на меня и сказали: «Надо». Ну надо — так надо. Так что случайно я там оказалась. Но когда мне открылось то, что там было, конечно, я была шокирована.

Ред. Открылось достаточно много?

Э.П. Да. Открылось, что говорили нам одно, в результате чего я верила, что в 27 лет буду жить при коммунизме, а на самом деле кое-кто уже давно жил в своем микрокоммунизме, и жил неплохо. Это был для меня шок. Сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что те партийные привилегии — это детские игрушки по сравнению с захватом государственной собственности, который произошел позже, и теми привилегиями, которые получили наш «олигархат» и прочие привилегированные группы...

Ред. Тут все-таки есть некоторая разница. В наше время люди просто «нахапали», а те не нарушали закон. Им как бы пожаловали сверху: «Тебе в силу твоего статуса положено».

Э.П. Эта порочная практика, приспособившись к новой жизни, спокойно перекочевала из советских в так называемые демократические времена, когда сильные лоббирующие группы проталкивают такие

законы, по которым им неплохо живется, и все «по закону». Вопрос только в том, какой это закон.

Когда развалился Советский Союз, я осенью 1991 года написала письмо Ельцину, с которым не была знакома. Написала на волне борьбы с привилегиями, что надо передать привилегированные объекты народу, то есть многодетным семьям, детям-сиротам и другим подобным категориям. А объекты, которые функционально для этого не подходят, надо таким образом эксплуатировать, чтобы прибыль от них все равно шла на решение проблем детей-сирот, социальных низов и так далее. Это письмо попало к Ельцину, 15 ноября 1991 года меня пригласили к нему, и первая моя встреча с ним, как я понимаю, сыграла свою роль. Тогда был подписан Указ о назначении меня министром социальной защиты.

Ред. А что-то из того, о чем вы писали в этом письме, какие-то объекты были тогда «переданы народу»?

Э.П. Меня назначили в Комиссию по передаче собственности Союза в собственность России, и только мы начинаем собираться — вижу, что эти объекты быстро уходят, как в черную дыру. Пока мы передавали, их уже разобрали как горячие пирожки. Я возмущалась: «Как же так? Мы же боролись против привилегий». На меня мои бывшие друзья-демократы смотрели, как на сумасшедшую, и говорили: «Памфилова, уймись. Ты что, с ума сошла? Все, уже власть взяли. Забудь об этом». Абсолютно циничные люди, которые манипулировали демократическими понятиями, призывали народ к социальной справедливости и борьбе с привилегиями, но очень быстро об этом забыли.

Ред. Кстати, Элла Александровна, что касается названия вашего поста в министерстве: тогда неслучайно появилось именно не Министерство социального обеспечения, а Министерство социальной защиты?

Э.П. Моих сокурсников, всю эту продвинутую демократически настроенную техническую интеллигенцию в то время вышвырнули с работы. «Ящики» закрылись, специалисты оказались на улице, и все их демократические устремления пошли прахом, потому что встал вопрос, как выжить. Многие женщины стали «челноками», а часть мужиков начала спиваться. Именно в среде технической интеллигенции был высокий процент суицидов. Многомиллионное население вдруг оказалось в нищете, надо было принимать какие-то меры... Я, вообще, себя считала «скорой социальной помощью», все время говорила о том, как предотвратить беды. Это было самое тяжелое время в моей жизни. Великие люди, звезды, такие как Г.С. Уланова, И.С. Козловский, оказались на грани нищеты. Надо было срочно помогать всем — и известным, и неизвестным. Мне в тот период было трудно есть и спать. Несколько часов сна, все время в цейтноте.

Ред. То есть название «Министерство социальной защиты» было абсолютно правильным?

Э.П. Да, это так.

Ред. Ну а с образованной уже к тому времени Комиссией по правам человека во главе с С.А. Ковалёвым вы как-то взаимодействовали?

Э.П. Эту правозащитную линию я не знала, о ней имела мало представления. Конечно, в Межрегиональную депутатскую группу входил кто-то из правозащитников, но, в принципе, я с этой средой общалась постольку-поскольку... С академиком Сахаровым сталкивалась несколько раз в каких-то ситуациях...

Ред. Вы с ним лично общались?

Э.П. Да. Занималась еще проблемами шахтеров, будучи народным депутатом. Но в традиционном западном понимании это не было правозащитной деятельностью. Многих я не знала даже, хотя в то время они были на взлете, их ценили. Впервые я столкнулась с ними, когда формировался список «Выбора России».

Ред. Приближаемся к тому моменту, когда вы тоже стали так или иначе в их ряды.

Э.П. Началась война в Чечне, и я пыталась предотвратить эту трагедию... Мне позвонил Сергей Юшенков, ныне покойный. Мы были депутатами. Он говорит: «Элла, тут назревает большой конфликт в Чечне. Не можешь ли ты со мной поехать? Туда Шабад собирается еще, Володя Лысенко». Я говорю: «Конечно, я поеду». — «Надо же. Стольким мужикам позвонил из депутатов — никто не согласился, все боятся, а ты сразу согласилась». И мы вчетвером поехали. Еще с нами был представитель РТР, ведущий программы «Подробности» Сергей Доренко. Это было сразу после того, как Грачев ввел туда танки и захватили в плен наших офицеров и солдат. Мы их вызволяли. С тех пор я стала с правозащитниками сталкиваться. Приходилось ездить в Чечню, военнотружущих освобождать, помогать беженцам — русским и чеченцам, тем, кто страдал от боевых действий и бандитов. То есть, работая на Северном Кавказе, я и стала плотно взаимодействовать с правозащитниками.

Ред. Как получилось, что вы возглавили Комиссию?

Э.П. Получилось опять случайно. Видите: все в моей жизни случайно, но, видимо, неслучайно в моей жизни все случайно. Я возглавляла общественную комиссию по поиску пропавших без вести на Северном Кавказе. Мы многим людям помогли, и в результате новый президент России пригласил меня...

Ред. Это было уже на излете Второй чеченской войны?

Э.П. Да. Шел 2000-й год, президентские выборы, в которых я решила принять участие. Для меня это было очень важно, чтобы отстоять себя как политика. Моя избирательная кампания прошла довольно успешно, особенно с учетом минимальных средств, которые у меня были. После этого меня пригласили в Кремль на встречу с президентом. Вместе с Павлом Крашенинниковым, именно по проблеме Северного Кавказа. Время было тяжелое — и тут внимание со стороны нового президента к работе общественной комиссии... Многие сложные вопросы приходилось решать. Видимо, это было по достоинству оценено.

В общем, мне поступило от президента предложение стать спецпредставителем по правам человека в Чеченской республике. Но через некоторое время, очевидно, его убедили представители силовых ведомств, что не стоит этого делать. Тут уж можно только догадываться, почему. В результате назначили А. Султыгова, может быть, именно потому, что сочли, что лучше назначить мужчину, причем чеченца.

«Мы предложили бы, может быть, одну из следующих встреч посвятить полностью этой теме — в рамках нашей компетенции, — потому что продолжают, скажем, не только убивать правозащитников, общественных деятелей — выдавливать, им приходится уезжать, тем, кто прожил там всю жизнь, если они ставят острые проблемы и, извините, не смотрят в рот местному начальству. Очень тяжёлая ситуация. Мы бы могли пригласить на эту встречу членов Совета, которые занимаются этой проблемой, Уполномоченного по правам человека, потому что мы с ним очень тесно работаем по этому направлению, некоторых членов Общественной палаты, которые очень тоже заинтересованы в решении данной проблемы, и, самое главное, людей, которые там работают, — правозащитников. Пусть бы они рассказали о том, что там происходит, и как им живется, и что делать, каким образом ценой собственной жизни и большого риска им приходится отстаивать права людей и просто бороться с тем произволом, который есть, и коррупцией».

Из выступления Э.А. Памфиловой на встрече Совета с президентом Д.А. Медведевым, 23 ноября 2009 года

Мне предложили как альтернативу Комиссию по правам человека при Президенте. На тот период Комиссию возглавлял В.А. Карташкин. Комиссия эта была в большой степени академична, в нее входили ученые, представители государственных структур, немного правозащитников. Владимир Алексеевич — очень компетентный человек, хороший юрист, и Комиссия в основном принимала системные, концептуальные решения. Комиссия действовала не очень публично, я же — человек совершенно другого склада.

Возглавив Комиссию, я организовала ее работу по иному принципу. Исходила из того, что подобных комиссий и так много, у чиновников есть возможность работать по своим направлениям. Я решила, что она должна состоять исключительно из правозащитников, поэтому пригласила в нее руководителей всех известных правозащитных организаций.

Ред. Вот тут-то вы с ними вошли в контакт в полной мере?

Э.П. Это произошло чуть раньше, когда мы готовили первый правозащитный форум¹. Мы с ними очень тесно контактировали и работали. На этом Форуме председательствовали В.В. Путин и Л.М. Алексеева. Тогда, в 2001 году, я очень хорошо познакомилась с правозащитниками, стала общаться с ними и решать многие проблемы. Они оказали мне большое доверие и согласились войти в Комиссию по правам человека, когда я их пригласила в 2002 году. И С.А. Ганнушкина, и Л.М. Алексеева, и А.Б. Рогинский, и другие. Комиссия ожила.

«Путин обладает уникальной интуицией, у него, я сказала бы, прямой контакт с российским коллективным бессознательным. Поскольку глубинные процессы общественного развития и самоорганизации идут сложно, но довольно стремительно, у меня есть ощущение, что Путин ищет контакты с его самой дееспособной частью — поверх чиновничьих барьеров. Более того, в борьбе с коррупцией он только на нее и может опереться, потому что иначе система сама себя сожрет, и очень быстро».

Первое наше заседание, естественно, было посвящено беженцам и ситуации на Северном Кавказе в целом. Это было беспрецедентное заседание с участием президента, когда мы сошлись стенка на стенку: с одной стороны — руководители всех правоохранительных органов, представители всех трех верховных судов, ФСБ, Генпрокуратуры, а с другой стороны — правозащитники. Искры летели, такая была схватка... Первый раз такое было².

Ред. И чья взяла?

¹ Гражданский форум открылся 21 ноября 2001 года в Государственном Кремлевском Дворце.

² См. стенографический отчет о встрече Президента России В.В. Путина с членами Комиссии по правам человека при Президенте РФ 10 декабря 2002 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21810>

Э.П. Отмечу существенные моменты. Для президента очень важно было понять эту систему. В результате мы стали более эффективно после этого решать в рамках совместных рабочих групп проблемы переселения беженцев и многие другие проблемы Северного Кавказа. Верх взяло понимание, что необходимо друг с другом взаимодействовать, независимо от точек зрения и позиций.

«Очень рад видеть всех присутствующих здесь, на первой встрече в рамках Совета. Полагаю, что мы вполне можем рассматривать это заседание как продолжение диалога с Комиссией по правам человека, где наша совместная работа проходила в достаточно регулярном режиме.

Здесь присутствуют лидеры правозащитных организаций, известные журналисты, эксперты, люди, которые немало делают для становления гражданского общества в нашей стране.

Думаю, вы со мной согласитесь, что для нас одинаково важно развитие как социально-экономических, так и демократических свобод и прав граждан в России. Эти две составляющие развития нормального современного государства одинаково необходимы, и их гармоничное развитие в высшей степени востребовано».

*Из выступления президента В.В. Путина
на встрече с Советом 20 июля 2005 года*

Ред. Вы говорите о рабочих группах с участием правоохранительных структур?

Э.П. Да. Министра, например, и правозащитников. Кстати, такая рабочая группа была сформирована к 27 декабря 2002 года. Ганнушкина, Алексеева, я, Анна Политковская (она, правда, просто примкнула к нам), министр С. Ильясов поехали в Чечню и Ингушетию разбираться с беженцами. После встречи в здании правительства Чеченской Республики нам сказали: «Смотрите, не опаздывайте, а то будет темно, поедете в Ингушетию, а по сторонам дороги фугасы. Взорветесь. Поэтому не опаздывайте. Вы должны ровно в три часа быть там». Зима была. Поскольку мы спорили, ругались с тем же Ильясовым в частном секторе в Грозном, мы опоздали. А в это время взорвали здание правительства. Ильясов потом говорил не раз: «Правозащитники спасли меня от смерти». Страшная трагедия, конечно, была.

Нам удавалось решать многие вопросы, в том числе по защите прав военнослужащих. Потому что мы задействовали в работе всех силовиков. Было конструктивное взаимодействие по самым горячим проблемам. Когда Ида Куклина сказала, что у солдат в некоторых частях условия

содержания хуже, чем в тюрьмах, для нас это было откровением. Много было откровением... Заседания длились по три-четыре часа, и всегда в итоге разрабатывались конкретные предложения по проблемам мигрантов, беженцев, по Северному Кавказу в целом, по безнадзорным детям... Очень эффективно мы работали в течение двух лет.

Ред. Назовите, пожалуйста, наиболее важные, с вашей точки зрения, результаты.

Э.П. Я считаю самым большим достижением (тогда С.А. Ганнушкина активно работала в совместной группе с представителями Администрации по совершенствованию законодательства), когда мы позволили бывшим гражданам Советского Союза, а это около полутора миллионов людей, оставшихся после распада страны без гражданства, получить российское гражданство.

Ред. Это был Закон? Как он звучал?

Э.П. Это были поправки в миграционное законодательство для получения гражданства. По этому поводу была очень концентрированная и насыщенная повестка дня.

Удалось решить ряд проблем, которые касались вынужденных переселенцев на Северном Кавказе: Чечня, Ингушетия, Северная Осетия. Также произошли очень серьезные изменения в пенитенциарной системе и в развитии гражданских организаций коммерческого сектора. Я бы могла еще много говорить, но, думаю, достаточно.

Ред. Нет-нет, очень важно, что мы к этому подошли. Значит, это была ваша идея: в название Комиссии по правам человека добавить «по развитию институтов гражданского общества»?

Э.П. После двух лет очень эффективной работы и взаимопонимания мы стали упираться в некоторые тупики, и я осознала, что качественно изменить систему защиты прав человека в стране без серьезного развития гражданского общества, без некоммерческого сектора невозможно. Это все взаимосвязано... Мы уже стали этим заниматься, поэтому, чтобы расширить возможности Комиссии, я внесла такое предложение. Название было громоздким, но правозащитники иногда очень педантичны, и формулировка «по содействию развитию институтов...» — это от них. Написать надо было точно — так, чтобы все было понятно. Так что это была моя идея, возникшая на основе общения с правозащитниками, с некоммерческим сектором. Я всегда этому уделяла очень много внимания. Я пришла к президенту с идеей преобразовать Комиссию в Совет, и он согласился.

Ред. Сразу согласился?

Э.П. Да, сразу. Что для меня было важно? В составе Комиссии (Совета) при мне не было чиновников, не было депутатов, в основном она

формировалась из представителей и руководителей правозащитных некоммерческих организаций и СМИ. У нас много было известных журналистов. Как тогда говорила Светлана Сорокина: «Это, пожалуй, единственное место, где мы в большинстве». В принципе, я себя никогда не ощущала правозащитником, я всегда считала себя политиком. В данном случае я считала себя посредником между правозащитниками и властью. Этот правозащитник призван и обязан обеспечить диалог между правозащитной, либеральной общественностью, которая в стране в меньшинстве (в условиях неразвитости демократических институтов, в том числе и партийной системы), с президентом, то есть обеспечить легитимный канал диалога правозащитного либерального меньшинства с главой государства. Именно это позволяло формировать какие-то альтернативы.

Я могла соглашаться со своими коллегами, могла не соглашаться, я старалась быть немного в стороне, не примыкая к кому-то. Я просто давала членам Комиссии (Совета) возможность оформить свое мнение от коллектива единомышленников, которые имели право быть услышанными президентом. Их мнение, конечно, на 90% отличалось от мнения тех или иных государственных структур. Но в том-то и была ценность: чтобы президент имел канал альтернативной точки зрения, с которой он мог не соглашаться, но мог ее услышать, сравнить с мнением государственных структур. При принятии решений у президента был спектр разных точек зрения. Вот в чем была ценность этого Совета.

«Очень много за эти последние годы сделано для того, чтобы наши суды стали независимы, был поднят их статус, материальное, техническое обеспечение улучшилось. Действительно, государство совместно с общественными усилиями проделало огромную работу. Но, к сожалению, целый ряд таких системных пороков еще остается. Я бы выделила вот что: независимость, к сожалению, часто формальную; состязательность — к сожалению, не состязательность, а ее видимость; справедливость часто поверхностна; избирательность правосудия и часто неадекватность приговоров. Все это, конечно, не повышает уровень доверия к судам».

Из выступления Э.А. Памфиловой на встрече членов Совета с президентом, 1 октября 2015 года

Ред. Вы работали долго, эффективно и достаточно дружно?

Э.П. Ой, мы так ругались иногда, спорили... Вот Михаил Александрович Федотов — великий дипломат, он толерантен, доброжелателен, а я достаточно жесткий и резкий человек, если я не соглашалась с членами Совета, я прямо об этом говорила. Но в любом случае что было важно? У нас была абсолютно здоровая атмосфера, потому что мы все обсуждали

«Мы, члены Совета, считаем необходимым выступить в защиту права граждан России на честную информацию. В том числе на информацию о деятельности нашего Совета и его членов.

После выступления Совета, осуждающего организованную МДАД “Наши” травлю журналиста А. Подрабиника, против председателя Совета Э.А. Памфиловой была развязана кампания, имеющая целью дезинформировать общественность, дискредитировать Совет и персонально его председателя.

Кампания строится на грубой фальсификации. Выступление в защиту конституционного права журналиста на субъективную точку зрения преподносится как защита самой этой точки зрения. На основе этой подмены инициаторы пытаются обвинить председателя Совета в неуважении к ветеранам, в антипатриотизме и пр.

...Несмотря на попытки извратить смысл и суть заявления Совета, факт состоит в том, что оно выполнило свою задачу. “Наши” свернули пикеты по месту жительства журналиста, убрали со своего сайта противозаконные угрозы в его адрес и обратились, по их утверждению, в суд. Это хорошо. Наш призыв уважать право, на текст отвечать текстом, а для решения вопросов об оскорблении чьего бы то ни было достоинства обращаться в суд - реализован.

К сожалению, победа законности воспринята некоторыми организаторами кампании как личное поражение. Они пытаются взять информационный реванш, распространяя в СМИ ложь в адрес председателя Совета Э.А. Памфиловой.

В этой связи считаем необходимым заявить следующее.

Во-первых, вопреки многочисленным публикациям, обращение Совета не было инициировано Э.А. Памфиловой. Она лишь добросовестно выполнила свои функции председателя: поставила вопрос на голосование и обнародовала заявление Совета, которое было принято в соответствии с действующим Положением, регламентирующим его деятельность. Стремление обсуждать и осуждать наше коллективное обращение как некое “письмо Памфиловой” — неуместная попытка снизить статус документа и оставить нашего председателя в одиночестве под потоками недобросовестных обвинений.

Во-вторых, нападки на председателя Совета отличаются несоблюдением этических норм и зачастую откровенным хамством, граничащим с клеветой. Дошло до того, что один из членов Общественной палаты обвинил “чиновницу” Памфилову в представлении “подложного заявления” — на том основании, что

обращение поддержали не все члены Совета. Мы подтверждаем, что из 35 членов Совета документ поддержали 29. Мы ценим, что наш Совет остается местом для дискуссий и уважаем право каждого быть при своем мнении. Поэтому, в соответствии с Положением, заявления Совета принимаются простым большинством голосов, что и было сделано в данном случае. Кроме того, хотелось бы напомнить, что Э.А. Памфилова не является «чиновницей»: в Совете она работает на общественных началах, как и все мы.

...В-третьих, попытки публично унижить Совет и его председателя за то, что они посмели выполнить свои прямые функции — защитить права человека вне зависимости от отношения к этому человеку — на самом деле отражают пренебрежение инициаторов кампании как к правовым институтам, так и к общественному мнению России. Нет сомнений, что, в конечном счете, их пропагандистский пузырь сдуется так же бесславно, как и все предыдущие».

*Из Заявления членов Совета, подписанного **В.Ф. Абрамкиным**,
Л.М. Алексеевой, С.Г. Айвазовой, Л.С. Амбиндером, А.А. Аузаном,
С.А. Ганнушкиной, А.И. Голованем, Г.Д. Джигладзе, К.В. Кабановым,
С.А. Карагановым, С.В. Кривенко, И.Н. Куклиной, Ф.А. Лукьяновым,
Т.М. Малевой, Т.Г. Морщаковой, Д.Б. Орешкиным, Е.А. Панфиловой,
М.Ф. Поляковой, Б.П. Пустынцевым, А.К. Симоновым, С.И. Сорокиной,
М.А. Федотовым, С.А. Цыпленковым, Г.Д. Чмыховым, И.Ю. Юргенсом,
И.Е. Ясиной*

открыто. И за это мы друг друга уважали: мы друг другу не делали приятное, чтобы угодить. Это было ценно: нормальная рабочая обстановка. Это позволяло нам оперативно решать многие вопросы.

Ред. И все же вы ушли.

Э.П. Я ушла потому, что считала, что на тот период, как я понимала функции и задачи Совета, в том виде, в том качестве они себя исчерпали. В той ситуации я больше не видела развития этого института, не видела перспективы... Мне казалось, что я себя в качестве председателя Совета исчерпала.

Ред. Вы тогда очень хлестко высказались. Это многие цитировали: «Я ушла не из-за функционеришек». Это запомнилось. Может быть, из-за этого немного «замылилась» сама суть вашего ухода.

Э.П. Понимаете, я боец и всегда бойцом была в самых сложных ситуациях. В том-то и дело, что всякого рода нападки на меня, какие-то интриги — для меня ситуация перманентная и привычная. За свою долгую

политическую жизнь я с этим сталкивалась не раз и всегда с этим справлялась. Суть ухода — это некий более высокий порядок, порядок мировоззренческий. Возникло ощущение мировоззренческого тупика, ощущение бессмысленности, потери смысла своей дальнейшей деятельности в этом качестве.

Ред. Можно ли так трактовать, что задача доносить до главы государства мнение общества через Совет перестала реализовываться?

Э.П. Немного не так, потому что через Совет мнение широкой общественности никак не доносилось. Это было как раз то, что я сказала ранее: возможность для правозащитного, либерального меньшинства иметь легитимную площадку для выражения своего часто непопулярного у широкой общественности альтернативного по отношению к государственным структурам мнения. Вот это четкое было позиционирование. Никогда Совет не претендовал на то, чтобы быть рупором большинства, доносить мнение широкой общественности. Нет. По каким-то направлениям — да, например по защите прав военнослужащих, по защите прав ребенка, но в целом — нет.

Ред. В общем, вы ощутили некий холостой ход?

Э.П. Я просто в той ситуации (это, как вы помните, был 2010 год) ощутила, что Совет во все большей степени начинает превращаться в некую профанацию, а для меня это неприемлемо. Еще много было мировоззренческих расхождений по ряду вопросов. Я бы сейчас не хотела об этом подробно говорить. Просто я поняла, что я здесь быть больше не могу. Для меня как для личности всегда важен внутренний баланс. То, что я думаю, чувствую, делаю, ощущаю, — все это не должно расходиться. Когда начинают возникать внутренние противоречия между тем, что ты чувствуешь, что надо делать, и тем, что ты должен делать, — для меня это абсолютно недопустимый дискомфорт, который, на мой взгляд, способствует не развитию, а разрушению личности. Вот и все. Я и с поста министра уходила на пике популярности. Всем было непонятно, почему. А ушла потому, что возникло ощущение: действия правительства входят в противоречие с тем, что я делаю, думаю и чувствую.

Ред. Когда вы решение окончательно приняли, вас сверху пытались отговорить, удержать?

Э.П. Да.

Ред. На самом высоком уровне? Если не секрет.

Э.П. Я не любитель это все рассказывать. То есть я предупреждала, что если то-то и то-то, то я уйду, например, 30 июля. Но, видимо, думали, что я блефую. Когда это произошло, мне позвонил глава Администрации в шоке: «Элла Александровна, как?» — «Я, вообще-то, говорила, что надо делать то-то и то-то, а раз это не получается, то нет смысла мне

оставаться». Ну и потом Медведев на пресс-конференции тоже заявил, что еще не поздно, «она, может, вернется, я ее трудоустрою». Были такие моменты, да. Три года я жила, как нормальный человек³.

³ Элла Александровна Памфилова была освобождена от обязанностей председателя Совета Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2010 года № 991. Она была назначена Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 марта 2014 года № 3939-6 ГД.